

география путешествий

Петергофское имя на карте Арктики

Имя знаменитого полярного летчика, нашего земляка Василия Махоткина в 1930-е годы не сходило со страниц центральных газет. Он обеспечивал арктические экспедиции, проводил ледовую разведку, летал на Диксон, обслуживал строительство Норильска, не раз попадая в сложнейшие ситуации и с честью выходя из них. В 1937 году вновь открытому острову в архипелаге Норденшельда в Карском море дали название остров Пилота Махоткина.

Василий Махоткин родился в октябре 1903 года в селе Копорье, что лежало на западной границе Петергофского уезда. Василию еще не было и двух лет, когда его семья переехала на жительство в поселок Заветное недалеко от железнодорожной станции Старый Петергоф. Вместе с младшим братом он учился в Единой советской трудовой школе имени В. И. Ленина, в здании которой прежде располагалась Петергофская женская гимназия В. В. Павловой. Сегодня это школа № 416.

Братья Махоткины, как и все их ровесники, много времени проводили на Финском заливе, ходили на парусных яхтах, учились работать с парусами, устраи-

вались по замерзшему заливу на буерах. Традиция заложенная Петром Великим, «ходить по морю», была частью жизни ребят живших в Петергофе и Стрельне. Отличный спортсмен-парусник, Василий, по окончании обучения в школе в 1922 году, поступил в Петроградскую, а оканчивал уже Ленинградскую военно-теоретическую школу Военно-воздушных сил Красной армии. Также он прошел обучение в Севастопольской военной летной школе, которую окончил в 1931 году. Он стал высококлассным летчиком, и ему доверяли выполнение заданий правительства.

С 1934 года Махоткин работал в полярной авиации, выполняя сложнейшие

осуществлял ледовую разведку по трассе Севморпути. В марте 1936 года Василий Михайлович совершил рекордный перелет — за один летный день преодолел расстояние 2400 километров по маршруту Красноярск — Дудинка и обратно до Игарки. В этом же 1936 году, перед высадкой экспедиции «СП-1» под руководством И. Д. Папанина на льдину в центре Арктического бассейна, Махоткин и Водопьянов на двух самолетах исследовали возможность полетов на Северный полюс. Перелет Махоткина и Водопьянова вошел в историю освоения Арктики как первая советская высокоширотная воздушная экспедиция.

В 1942 году по доносу наш выдающийся земляк был осужден и арестован на 10 лет за антисоветскую пропаганду: вероятно, в частном разговоре он хорошо отозвался о самолете иностранного производства. Все четыре долгих года Великой Отечественной войны один из лучших и опытнейших летчиков страны был лишен возможности не только защищать свою «Великую Родину», но даже и просто летать. Он работал в знаменитой ГУЛАГовской рыбинской авиационной шарашке, где, нет худа без добра, познакомился с известными учеными, конструкторами, цветом научной и инженерной мысли страны, с грандами отечественного самолетостроения, специалистами высшей квалификации, людьми талантливыми и интересными. О Махоткине упоминает в своем романе «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицын. Василий Михайлович освобожден был только в 1951 году, а 1956 году его полностью реабилитировали «за отсутствием состава преступления».

Происшествие на острове Пилота Махоткина

Нашему корреспонденту Сергею Карпенко доводилось бывать в тех полярных местах, где летал наш земляк, и об одном заходе его судна на остров Пилота Махоткина он нам поведал.

В ОДИНОЧКУ НА ОСТРОВ

Ледовая обстановка в Арктике в тот год сложилась тяжелая, но рейсовое задание по обеспечению полярных станций в Карском море и море Лаптевых было выполнено. Все жизненно необходимое зимовщикам было доставлено моряками дизель-электрохода «Павел Пономарев». С нами был пассажир, работник диксонской гидробазы Иван Игнатьевич Давыдов, при заходе на остров Русский ему подарили молодого щенка. Давыдова вместе с собакой мы должны были доставить на остров Пилота Махоткина.

К острову мы пришли в начале ноября. Нам удалось подойти с юго-восточной стороны, не взломав лед у берега, что позволило безопасно произвести высадку единственного зимовщика. Перед Иваном Давыдовым стояла задача подготовить домики для прибывающих позже полярников, склад с продовольствием, мастерскую с научным оборудованием. Более четырех месяцев Иван Игнатьевич дол-

жен был один жить на острове и к прибытию экспедиции обогреть все домики, а затем продолжить работу в составе экспедиции. Тепло распрощались моряки с Давыдовым, ему до базы экспедиции было идти менее километра, и он с рюкзаком и собачкой, вскинув на плечо карабин, пошел вглубь острова. Мы занялись своими делами, механики воспользовались короткой стоянкой для работ на главных двигателях.

ПРОДЕЛКА БЕЛОГО ХОЗЯИНА АРКТИКИ

Не прошло и часа, как мы услышали невдалеке от судна звук выстрела. Это Иван Игнатьевич вызывал нас. Шум ветра заглушал его голос, мы разобрали только его обращение ко мне: «...Бери фотоаппарат, пошли со мной...» Было понятно, что произошло что-то необычное. На вопрос: «Иван Игнатьевич, что случилось?» — он не отвечал, стараясь восстановить дыхание от быстрого бега. И вдруг сказал: «Я боялся, что вы отошли, — и совсем ошарашил следующей

фразой: — На базе не осталось продуктов».

Он повел нас сразу к складу продуктов. Внешне все, казалось, в целости, но, подойдя ближе, мы увидели глубокие борозды от медвежих когтей на деревянной обшивке, а когда вошли, замерли от увиденного погрома. Давыдов, показывая рукой, говорил: «Они не смогли взломать стены, но забравшись под балок, выдавили вверх доски пола. Сожрали бочку говяжьего и бочку свиного жира, бесследно исчезли все банки тушенки и сгущенного молока, крупы перемешали с гвоздями». Это были проделки белого медведя, но какой же он должен был обладать силой, чтобы выдавить платформу пола, скрепленную пятнадцатисантиметровыми шурупами, да еще со стоящими на ней тяжелыми бочками и ящиками. Возле балка я поднял, как мне показалось, друзю тонких кристаллов, при более внимательном рассмотрении оказавшуюся... тщательно пережеванной частью консервной банки. Все жилые домики также подверглись медвежьим поискам съестного. Он разбивал единственное окошко с тройным остеклением, засовывал внутрь лапу и шарил на удачу, когтями изодрав стоявшие возле окон диваны. Все было сфотографировано, след медведя сняли, положив для масштаба рядом спичечный коробок и мой складной нож.

ЧЕТЫРЕХЛАПЫЙ СПАСИТЕЛЬ

Возник вопрос, будет ли Давыдов возвращаться с нами на Диксон или останется на острове. Он твердо ответил: если дадим ему из судовых запасов консервов, с тем, что осталось после пиршества медведей, он дожидется прибытия экспедиции. Мы ушли, он остался один на необитаемом острове с молодой собакой.

На Диксоне в управлении гидробазы я предъявил составленный нами акт и фотографии, отпечатанные на переходе. Бывалые полярники, с удивлением разглядывая фото медвежьего следа, спросили: «Чей след ты сфотографировал медвежий или мастодонта?»

С Иваном Игнатьевичем мы встретились у него дома на Диксоне через год. О своей встрече с хозяином Арктики — белым медведем-разорителем, он рассказы-

вал, теребя уши своего четырехлапого друга: «Он меня спас, когда я задремал на ступенях домика, который ремонтировал. Медведь пришел к базе против ветра, не сразу пес почуял его. Мой карабин был в другом домике. Такого лая я отродясь не слышал, каким встретил медведя пес. Медведь остановился в десятке метров от меня. Зверь был огромен, раскачиваясь из стороны в сторону, мотал головой, и вдруг из-за его спины вышел медвежонок. Значит, это не медведь-шатун, а медведица с малышом и, может быть, не с одним. Ситуация от этого более безопасной не становилась. Казалось, что мы смотрели в глаза друг другу, через какое-то время медведица развернулась и ушла, увлекая за собой медвежонка. Больше она не приходила. Видимо, залегла в снежной берлоге спать до весны».

Сергей Карпенко

